

Вэнь Тинъюнь подавил подступившую грусть и ледяным тоном скомандовал:

— Продолжайте следить за Чэнь Дацзюнем. Обо всех его словах и поступках докладывать незамедлительно. Смените одежды на простое крестьянское платье и принесите ему всё необходимое. Еда, питьё, тёплые вещи — ни в чём не должно быть нужды. Ночи сейчас холодные, так что подготовьте постель. Но только без роскоши, пусть всё будет простым и чистым, иначе это вызовет подозрения.

Одетый в чёрное страж осторожно взглянул на хозяина и молча склонил голову. Задавать лишние вопросы он не смел: Тинъюнь никогда не терпел расспросов о своих замыслах. Однако этот поход в самые недра Южных земель казался на удивление странным. Мало того что они с огромным трудом везли сюда груз вина, так ещё и прикрывались сопровождением каравана Школы Семи Ножей. Это наделало столько шума, что шпионы из разных долин без конца пытались выведать их цели. Впрочем, даже сами подчинённые Тинъюня не понимали, к чему вся эта суета.

Они полагали, что личный выезд хозяина из долины вызван делом чрезвычайной важности. Но, прибыв в городок Минувших Дней, Вэнь Тинъюнь несколько дней кряду лишь пил чай да слушал театральные представления, совершенно позабыв о делах. И вот сегодня, случайно наткнувшись на пьяного попрошайку по имени Чэнь Дацзюнь, Девятый господин вдруг задействовал почти всех людей ради одного-единственного человека. Более того, он спешно отправил гонца за самим Су Данем. Людей одолевали сомнения: кем же был этот бродяжка, раз хозяин окружил его столь трогательной, почти тайной заботой, словно боясь ненароком растревожить?

Потревожить бродячую, полную лишений жизнь? Одарять его милостью под видом простодушных горожан? Эти безжалостные убийцы годами проливали кровь и рисковали головами под началом Вэнь Тинъюня, и никак не ожидали, что однажды им придётся разыгрывать комедию, изображая заботливых соседей перед обыкновенным оборванцем.

Но приказ господина — закон. За малейший промах они могли поплатиться головой: правила в долине суровы, и перечить воле хозяина никто бы не решился. Сжав зубы, они послушно разошлись — кто переодеваться в лавочников и прохожих, кто заступать на негласное дежурство.

Цинь Чжэн, сладко спавший у ворот храма Спокойствия и Удачи, разумеется, и не подозревал, что за каждым его движением из тайных укрытий следят десятки внимательных глаз. Когда он наконец выпался и открыл глаза, солнце уже клонилось к закату — близился час ужина.

Он со вздохом сел, чувствуя, как в пустом желудке призывно урчит. Потянувшись, Цинь Чжэн потряс висевший на поясе кувшин — вина оставалось совсем немного, и тратить его понапрасну было жалко. Парень оглядел спящих туда-сюда паломников, размышляя, как раздобыть пропитание на вечер. Можно было, конечно, показать пару трюков зевакам на площади и выпорить несколько монет на пресные пышки. Но теплилась и другая надежда: вдруг суровый монах с метлой сменит гнев на милость и вынесет ему миску похлёбки?

«Буддисты ведь не оставят живую душу пропадать с голоду»

С этой мыслью он поудобнее устроился у каменной стены в томительном ожидании.

Сумерки сгущались. Из-за ворот храма потянуло аппетитным ароматом свежеприготовленной еды, но к нему по-прежнему никто не выходил. Монахи словно забыли о его существовании — даже прогнать не пытались.

«Кажется, я опустился на самое дно жизни, раз даже святым отцам до меня нет дела»

Цинь Чжэн тоскливо вздохнул и уже собирался подняться и побрести в людную часть городка, как вдруг перед ним бесшумно вырос молодой мужчина с полным подносом горячих яств.

У Цинь Чжэна очень некстати громко и жалобно заурчал живот.

Молодой человек едва заметно улыбнулся и вежливо произнёс:

— Ещё не ужинали? Моя жена сегодня приходила поклониться Будде и заметила, что вы просидели у ворот весь день. Вот, велела принести вам немного еды. Угощайтесь, не стесняйтесь. Если не наедитесь, я принесу ещё одну порцию.

Цинь Чжэн так и застыл, поражённый неожиданной щедростью. Он принялся поспешно кланяться и благодарить:

— О, спасибо вам большое! Какая редкая доброта... Я, Цинь... кхм, то есть Чэнь, премного вам благодарен. И отплатить-то мне вам нечем!

Мужчина лишь добродушно улыбнулся и жестом пригласил его к трапезе. Было видно, что он не уйдёт, пока гость не закончит ужинать. Будучи смертельно голодным, Цинь Чжэн не стал жеманиться. Он жадно принялся за еду, то и дело довольно кивая своему благодетелю:

— Надо же, рыба голова под острым перцем! Моё любимое блюдо!

«Неужели он сам не успел притронуться к стряпне собственной жены, а сразу побежал потчевать бродягу? Да и одежда на нём самая простая. Для бедных горожан такое блюдо, как рыба голова, — редкий деликатес, который они могут позволить себе от силы раз в две недели. С чего бы простому труженику проявлять подобную щедрость к нищему? Тут явно что-то не так»

Эти мимолётные подозрения закрались в душу Цинь Чжэна. Его благодетель смотрел на то, как исчезает еда, с таким видом, будто и сам не прочь подкрепиться, то и дело незаметно облизывая губы и сглатывая слюну.

Стоило Цинь Чжэну опустошить миску дочиста, как мужчина забрал посуду и, не проронив больше ни слова, поспешно удалился в темноту.

Озадаченно нахмурившись, Цинь Чжэн почувствовал сильную жажду. При тусклом свете качающихся у входа в храм фонарей он вдруг заметил, что у его ног стоит аккуратный кувшин с чаем, а рядом лежит стопка чистых постельных принадлежностей. Только-только он вознамерился взять эту обитель измором и обосноваться на крыльце, как неведомый покровитель снабдил его всем необходимым для комфортного ночлега.

«Должно быть, у того монаха с метлой язык колючий, а сердце доброе. На людях делает вид, что знать меня не желает, а сам втихомолку позаботился о моём ночлеге»

Обрадовавшись этой мысли, он повернулся к закрытым дверям храма и демонстративно громко крикнул:

— Наверняка почтенный мастер так испытывает мою стойкость! Но я не отступлю! Буду лежать здесь, пока моя преданность не растрогает великого Будду, и он не примет меня в лоно обители! Я ни за что не сдамся на полпути!

Обида на суровые поучения монаха окончательно рассеялась. После крепкого сна от дневной хандры не осталось и следа. Цинь Чжэн с удовольствием расстелил постель, сделал долгий, неторопливый глоток ароматного чая и, прикинув по звёздам время, поднялся и направился в сторону лесистых гор.

Самый дорогой постоялый двор городка Минувших Дней уже несколько дней занимали люди из Школы Семи Ножей. Здание оцепили в три кольца охраны. Праздные зеваки шушукались, гадая, какую же бесценную реликвию везут под такой суровой охраной. На самом же деле Вэнь Тинъюнь просто опасался, как бы кто-то другой не выследил Цинь Чжэна раньше него. Случись беда, верные мечи помогли бы отбить парня без лишних хлопот. Потому Тинъюнь и прибыл сюда в сопровождении личной гвардии. На его удивление, в захолустном городке царило умиротворение, отчего столь внушительная охрана выглядела излишним бахвальством. За все эти дни дозоры, круглосуточно прочёсывавшие окрестности, не заметили ни единого подозрительного следа.

С тех пор как Тинъюнь нащупал у Цинь Чжэна смертоносный, угасающий пульс, покой оставил его. Стоило ему присесть хотя бы на миг, как руки сами тянулись к старинным медицинским трактатам. Каждая минута ожидания Демонического лекаря Су Даня казалась вечностью, а на душе скребли кошки. Вэнь Тинъюнь, всегда непоколебимо уверенный в собственном мастерстве, сейчас всем сердцем молил небо лишь об одном — чтобы его собственный диагноз оказался грубой, нелепой ошибкой.

Но кого он пытался обмануть? Су Дань — старый хозяин одной из девяти долин Утёса Обрыва Воды, прозванный в Поднебесной Демоническим лекарем. О его искусстве ходили легенды: поговаривали, будто для него нет безнадёжных мертвецов, как нет и выживших среди тех, кого он решил отравить. Мог ли его лучший ученик допустить столь детскую оплошность при

замере пульса? Вэнь Тинъюнь прекрасно понимал: если вестники передадут старому мастеру, что его преемник усомнился в собственных силах, старик Су Дань лопнет от ярости. Однако Тинъюню пришлось пойти на этот шаг и добровольно очернить своё имя, дабы уязвлённый до глубины души наставник лично поспешил сюда, желая проучить непутёвого ученика.

После всех перенесённых страданий то, что Цинь Чжэн остался жив, само по себе граничило с чудом. Чтобы выйти на его след, Вэнь Тинъюню пришлось задействовать тайную сеть Терема Воющего Луны и поднять всех соглядатаев, рассеянных по Поднебесной. Семь лет разлуки изменили всё до неузнаваемости. Поначалу Тинъюнь тешил себя мыслью, что ему достаточно просто знать, что Чжэн жив.

Но судьба — коварная штука. Прежде Вэнь Тинъюнь всегда сам вершил чужие судьбы: тот, кого он обрекал на смерть, неминуемо отправлялся к праотцам. И теперь он впервые в жизни страстно желал, чтобы человек вопреки всему выжил. Ведь пока теплится жизнь, разум остаётся чистым, помыслы — открытыми, и никто никому ничего не должен.

Именно эти слова семь лет назад произнёс юный Цинь Чжэн, обращаясь к испуганному двенадцатилетнему Тинъюню. Мальчик запомнил их на всю жизнь, выстоял и теперь жаждал предстать перед своим спасителем с чистым сердцем и открытой душой.

Только сейчас признание в том, кто он такой, могло подождать. Было кое-что гораздо важнее — защитить Цинь Чжэна от невзгод и подарить ему возможность просто жить дальше.

Тихий стук в дверь заставил Вэнь Тинъюня очнуться от нахлынувших воспоминаний.

— Войди, — бросил он, не отрывая взгляда от страниц медицинского трактата.

Появившийся на пороге страж почтительно склонился и доложил:

— Чэнь Дацзюнь откушал. Ему подали рыблю голову под острым перцем, как вы и приказывали. Он остался чрезвычайно доволен угощением и выпил чаю.

Вэнь Тинъюнь, всё так же не поднимая головы, спросил:

— Устроился на ночлег?

Страж покачал головой:

— Он расстелил постель, аккуратно разгладил одеяло, но лечь не стал. Вместо этого он поднялся и ушёл в горы. Наши люди следовали за ним по пятам и видели, как он вернулся в ту заброшенную кумирню, где обычно ночует.

— К чему же тогда было обустраивать постель у храма, если он решил вернуться? — удивлённо спросил Тинъюнь.

Слуга замялся, не зная, как лучше выразить мысль:

— Э-э... Дело в том, господин, что за той кумирней бьёт горячий источник. Стоило Чэнь Дацзюню добраться до места, как он без лишних раздумий залез в воду.

Вэнь Тинъюнь невольно рассмеялся:

— Так он проделал этот путь лишь ради того, чтобы помыться?

— Именно так, — кивнул соглядатай, всё ещё недоумевая. — И провёл в воде добрых два часа.

Вэнь Тинъюнь с глухим стуком захлопнул книгу и нахмурился, в его голосе прорезались опасные нотки:

— И все эти два часа вы преспокойно на него глазели?!

Перепуганный страж поспешил оправдаться со всей прямоотой:

— Пощадите, господин! Мы не смели ослабить бдительность! Мои люди оцепили лес в радиусе пяти ли вокруг источника и не спускали глаз с брата Дацзюня. За всё время не произошло ничего подозрительного, он просто расслаблялся и получал удовольствие!

В комнате повисло тяжёлое молчание.

«Несколько десятков здоровых лбов битых два часа подглядывают, как моется мужчина, да ещё и умудряются заметить, насколько ему хорошо...»

От этой мысли Вэнь Тинъюню бросило в жар. Накатила глухая ярость. Ему показалось верхом кощунства и неуважения к Цинь Чжэну то, что чужие взгляды касались его тела.

«Я сам его ещё толком не разглядел, а эти остолопы уже налюбовались вдоволь!»

В гневе он так сильно сжал пальцы, что тонкий фарфор пиалы в его руке с негромким хрустом разлетелся на мелкие осколки.

Не понимая, какая именно фраза вызвала столь грозную бурю, страж мелко задрожал и рухнул ниц.

— Отныне, когда он решит совершить омовение, в радиусе десяти ли вокруг не должно быть ни единой живой души! Даже птицам соваться туда запрещаю! И вас это касается в первую очередь. Вам всё ясно? Если хоть один из вас посмеет подглядывать — лично выколю глаза.

Слуга почувствовал себя незаслуженно обиженным. Они ведь лишь исполняли приказ! Обычная слежка обернулась обвинением в подглядывании за голым мужчиной, да ещё и грозила слепотой. Но спорить с Вэнь Тинъюнем было безумием. Его нрав славился непредсказуемостью и крутизной: даже когда остальные восемь хозяев долин пытались сообщить призвать его к порядку, он просто выставлял их за дверь. Куда уж простым подчинённым перечить его воле? Страж поспешно отвесил несколько поклонов и, пятясь, выкатился из покоев, едва не теряя сапоги от страха.

Цинь Чжэн, пускай и вырос сиротой без благородной родословной, с малых лет воспитывался наставником и его супругой. Глава поместья Вэй Бинцин относился к нему как к родному сыну. Годы, проведённые в стенах прославленной школы боевых искусств, наложили на него отпечаток благородства, так что его вполне можно было счесть утончённым молодым господином. Безупречные манеры и знание этикета оберегали его от злых языков. Даже теперь, опустившись на самое дно, он не мог изжить привычки, которые въелись в плоть и кровь за долгие годы. К примеру, ежедневное омовение оставалось для него столь же священным и незыблемым ритуалом, как сон или пища.

Товарищи-бродяги, с которыми ему доводилось делить кров, часто посмеивались над этой причудой. Мол, побираешься и поёшь на площадях ради куска хлеба, а моешься по часам, точно благородная девица, да ещё и тратишь на это целую вечность! Но Цинь Чжэн с ними категорически не соглашался. Осквернение плоти ведёт к скверне духа, а посему чистота телесная — залог праведности. Даже скитаясь на чужбине в рубище попрошайки, он твёрдо решил оставаться самым опрятным нищим в округе. А когда настанет день отречься от мира и принять постриг, он непременно станет самым чистым монахом у престола Будды!

В предвкушении этого светлого мига Цинь Чжэн провёл у ворот обители ещё два дня. Жизнь его за это время приняла на удивление приятный оборот. Точно по расписанию неведомые благодетели приносили ему сытные обеды, а оставленные в первую ночь тёплые вещи никто и не думал забирать. Юноша настраивал себя на лишения и суровые испытания, надеясь, что вид его страданий в конце концов смягчит сердце настоятеля, но вышло с точностью до наоборот. Здесь он ел досыта и спал в тепле, устроившись куда лучше, чем в своей полуразрушенной кумирне. Монах с метлой и вовсе перестал показываться на глаза — верно, решил держаться от греха подальше, руководствуясь правилом «с глаз долой — из сердца вон».

Идиллия закончилась на рассвете третьего дня. Цинь Чжэн ещё мирно спал, видя десятый сон, когда его бесцеремонно разбудили, ткнув в бок жёстким прутком метлы.

— Эй, побродяжка! Кончай вылеживаться, — сердито проворчал над ухом знакомый голос. — Три дня уже тут торчишь, только и делаешь, что сытно ешь да дрыхнешь без задних ног. Ни капли благочестия в тебе нет, одно пустое упрямство! Сегодня в нашу обитель прибывает высокий гость для толкования священных сутр. Если в твоей душе осталась хоть капля почтения к Будде, немедленно собирай свои пожитки и убирайся прочь!

Несмотря на то что старый монах старался говорить сдержанно, Цинь Чжэн и не думал уступать.

Он недовольно потянулся, потирая заспанные глаза, и проворчал сквозь зубы:

— И кто же это к нам пожаловал? Да будь он хоть трижды важной персоной, я с места не сойду. Что же это за гость такой, ради которого служители Будды ни свет ни заря выгоняют на мороз несчастного калеку?

Монах, из последних сил сдерживая гнев, наклонился к самому его уху и зашептал:

— Глупец! Этот человек тебе не по зубам. Уходи по-доброму, пока не попался ему на глаза, иначе несдобровать тебе.

Слова старика лишь сильнее разожгли любопытство Цинь Чжэна. С какой стати в это глухое, всеми забытое приграничье должен явиться столь могущественный человек?

— Я простой бродяга, — усмехнулся он. — Мне терять нечего, кроме своих вшей. Терять нечего, а значит, и бояться некого. Так что смилуйтесь, почтенный мастер, назовите имя этого грозного господина.

Монах тяжело вздохнул, выпрямился во весь рост и негромко произнёс:

— Наш монастырь посетит Государственный наставник великой страны Цючи.

<http://bllate.org/book/19742/2029081>